

Марр Николай Яковлевич

Чуваши-яфетиды на Волге

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н63

Н63 **Николай Яковлевич М.**
Чуваши-яфетиды на Волге / Марр Николай Яковлевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 75 с.

ISBN 978-5-519-95540-9

ISBN 978-5-519-95540-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вую, казалось, окончательную свою формулировку в труде моем „Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими“. Это было уже в 1908 году. По наивности я предполагал, что с появлением таблиц, разъяснявших основы раньше совершенно не понимавшейся природы грузинского глагола, вообще строя грузинской речи, ученый мир сразу увидит ценность учения, сравнительной яфетическо-семитической грамматики, без которой не постичь бы сложного механизма грузинского спряжения. Ученый мир вовсе, однако, не знал грузинского языка и не думал им интересоваться, и эффект получился обратный, никакого внимания, точно на свет появился мертворожденный.

Впрочем, этот период новой теории, в значительной мере обоснованной на изучении литературных языков Кавказа, грузинского и армянского, в значительной же мере сохранял характер и привкус филологической дисциплины. За это время в науке робко, но все таки вводился, закреплялся, хотя и в кругу немногих специалистов, термин „яфетический“, возникший впервые потому, что дело началось с выявления родства грузинского языка с семитическими, и группа языков с относившимся к ней грузинским была названа по имени Ноева сына Яфета—яфетической из-за родства ее с семитической семьей, т. к. по родству с семитической еще одна группа языков Африки называлась именем другого Ноева сына—хамитической, и свободным термином для указания родственного отношения новой семьи с семитической оставалось имя среднего брата Яфета.

С тех пор шло углубление учения об яфетических языках по линии сравнительной грамматики вплоть до октябрьской революции. До начала европейской войны круг сравнивавшихся языков расширялся включением живых бесписьменных языков Кавказа; война съузила и вскоре прервала живую работу на Кавказе, направленную на изучение северных бесписьменных горских его языков. В 1916 году был открыт один яфетический язык, живой бесписьменный, вершикский, на южном склоне Памира, в сторону, значит, Индии. Перед войной и за войну все в линии той же сравнительной грамматики теория была развита далее привлечением в исследование древнейших письменных яфетических

языков, клинообразных, эламского из Ирана (Персии) времени Ахеменидов за VI—V в.в. до н. э., халдского из языческой Армении на Ванском озере IX—VII в. до н. э., шумерского языка богатой литературы в Месопотамии с V тысячелетия до н. э.

Прочитанный в 1920 г. доклад „Третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры“, хотя и с проблесками и предвосхищением некоторых моментов последующего развития теории, был составлен все таки со старыми приемами сравнительного метода. Ознакомление с баскским языком в первую поездку к ним вскрыло более широкое значение яфетических племен и языков, с захватом всего западного мира, романского и германского. Ко мне примкнул было известный лингвист старой школы проф. Браун, прочитавший в Лейпцигском Университете, в этой твердыне старой школы науки об языке, индоевропейской, вступительную лекцию о происхождении германских языков путем скрещения с яфетическими, с обоснованием на положениях яфетической теории. Яфетическая теория, мало кому известная и никому из катедральных лингвистов неизвестная, из кавказоведной науки обращалась по своим основным заданиям, по проблемам, в общеевропейскую, с углублением языковедных изысканий по северной Африке и Передней Азии. Цело потребовало коллективной работы различных специалистов. При Академии Наук учрежден был специально для такой работы Яфетический Институт¹⁾.

Яфетическая теория вступила в третий период своего развития с такой быстротой, особенно после второй моей поездки в Западную Европу к маленькому баскскому народу, что еще в немецком переводе „Третьего этнического элемента в созидании средиземноморской культуры“, появившемся в свет в Лейпциге в 1923 году, я вынужден был оговориться, что работа, напечатанная по-русски там же, тремя годами раньше, устарела²⁾. С тех пор, однако, много воды утекло, но и притекло много нового. В Москве и Ленинграде в среде частью сочувствующих тем или иным

¹⁾ См. ЯС, I, стр. V—XV.

²⁾ Der japhetitische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, Leipzig 1923.

нашим мыслям, частью самих учеников наших, началась непосредственная работа над яфетическими языками в смысле необходимого выявления материалов мало изученных из них. Основан был Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа в Москве, ныне Кавказский Комитет, образовался кружок северо-кавказской молодежи в Ленинграде, наметивший новый путь тех же работ в сотрудничестве привлекаемых к ним объектов исследования.

Между тем, в 1924 году вскрылось, что индоевропейские языки вовсе не представляют языков особой расы, это первоначально те же яфетические, из которых они выработались в особый новый тип в результате коренной экономическо-общественной перестройки, связанной с открытием металлов и особенно с широким введением их в хозяйственную жизнь¹⁾. Все языки того же очерченного района Африки, Азии и целиком арийской Европы, т. е. и хамитические, и семитические, и индоевропейские, оказались членами одной и той же семьи с яфетическими языками, но лишь различных ступеней развития человеческой речи. Яфетические языки оказались древнейшими, при том из них дошедшие в живом виде до наших дней в общем оказались носителями ярких переживаний различных эпох. Открылась материальная перспектива на состояния языков, типы до-исторических различных языков, вплоть до эпох, когда еще не было звуковой речи человечества, и мы получили возможность изучать исторические языки индоевропейские, семитические и другие, подходя к ним от предшествующих эпох, изначальных, и с этим зародилась наука о происхождении и древностях языка, так называемая палеонтология речи, и стали вырабатываться ее особые методы. Вскрылось, что сравнительный метод вообще обманчив, существовавший же сравнительный метод индоевропеистов оказался учением лишь формальным, упустившим, что человечество меняло формы, самые типы языка, меняло с ними не только значения слов, но и основы распределения значений, и даже их созидания, в связи с изменением системы мышления в зависимости от коренной перестройки хозяйственной и общественной жизни.

¹⁾ ДАН, 1924, стр. 6—7.

Так, напр., 'небо', 'земля' и 'преисподняя' первоначально носили одно и то же название. 'Небо' и части его 'светила', 'солнце', 'луна', 'звезды', равно окружение 'небо'—'облака', даже 'птицы', носили одно и то же название, так что слово 'птица' и каждое название особого вида птицы оказались разновидностями слов, означающих 'небо' или 'небеса', впоследствии 'небесенок'¹⁾. 'Небо' воспринималось и как 'твердь' и как 'вода', воспринималось оно как протяжение и во времени и в пространстве, так что 'небо' и 'вода', 'небо' и 'год', 'пространство' и 'время' оказались также одинаково означаемыми 'небо'.²⁾ Мышление до-исторического человека было не отвлеченное, не научное, не логическое, а конкретное, поэтическое, образное, с родством слов-символов, как выразителей образов. Когда хотели сказать 'круг', 'свод', 'арку', 'шар' они говорили 'небо'³⁾. С другой стороны 'небо' и 'гору', также 'голову' обозначали одним и тем же словом. 'Небо' же служило названием племенного божества, т. н. тотема потому чув. слово Тиг-э↔Тог-э 'бог', значившее первично 'небо', означало и 'гору', отсюда в усеченной форме tu 'гора'.

Как 'небо' и его части, так 'тело' и его части назывались одним и тем же словом, и т. к. у каждого первобытного племени, собственно первичной хозяйственной группировки, был свой тотем, свой 'бог', свое 'небо' по названию своего объединения, то по названию своего же объединения у каждой первичной хозяйственной группировки, скажем — „первобытного племени“ было свое слово для 'человека', для 'тела, и для его частей, и в одном и том же племени первоначально и 'небо' и 'человек', 'тело' ('душа' тогда не имела особого названия, точнее не было аналитического восприятия особо души и особо тела) назывались одним и тем же словом; чтобы различать одни и те же слова-символы различных представлений, люди пользовались указанием руки, т. к. раньше люди говорили линейной речью—жестами, руками; когда же человечество стало говорить звуковой речью, племена были скрещенные, и тогда в каждом племенном образе-

¹⁾ N. Marr, Die Entstehung der Sprache в журнале Unter dem Banner des Marxismus, 1926.

²⁾ Н. Марр (груз. журн. Мнатоб-и, № 5, 1924) стр. 231—237.

³⁾ См. отчасти Н. Марр, Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc' (ЯС, II, стр. 137—167).

вании пользовались различными первобытно-племенными словами и различным произношением одних и тех же первобытно-племенных слов, чтобы иметь возможность свободно говорить звуковой речью. На звуковую речь человечество перешло, оно создало свою звуковую речь после того, как создало искусственное орудие производства, после того как руку оно заменило искусственно приспособленным орудием для того или иного вида производства, так что 'рука' лежит в основе всех первичных слов. Если 'небо' играет громадную роль с известной эпохи, именно с эпохи возникновения мирового, космического мышления, и соответственных религиозных представлений, когда 'небо' есть 'бог', когда с одной стороны 'небо' значит и 'знамение', 'имя', а с другой первоначально, 'рука' есть 'знак', 'указание', 'знамение', 'рука'—'сила', 'мощь' 'рука'—'право', 'рука'—'бог', то 'рука' спорит с 'небом-богом' несомненно 'рука' берет верх над ним—'небом', как более древний образ, более древнее представление, как древнейшее, я бы сказал, первое слово звуковой речи. Термин 'рука', 'творец' он же глагол: отдельных отвлеченных глагольных понятий не было, ни, конечно, неопределенного наклонения, ни вообще глагола. Действие или состояние выражалось в самой фразе тем или иным именем, его образным восприятием, напр., для 'делания' нужен был образ 'руки', для 'брания' или 'дачи'—одинаково тот же образ 'руки', для 'бытия' тот же образ 'руки', для указания—тот же образ 'руки' и т. д., и т. д. Нет глагола, который не происходил бы прямо или посредственно от образа, для нас понятия, 'рука', т. е. нет глагола-действия, который не происходил бы от слова 'рука', орудия действия. В то же время нет глагола-состояния, которое не происходило бы от того же слова 'рука', т. к. первобытный человек не представлял абсолютного, отвлеченного бытия или состояния, не представлял его без отношения к человеку, собственно к племени, т. к. представления о чем бы то ни было, даже об индивиду-человеке еще не было вне обладания или вне принадлежности ему, т. е. племени, потому 'быть' выражалось тем же словом, что 'иметь', 'владеть', т. е. словом, выражающим орудие держания, владения, следовательно, опять таки 'рукой', точнее 'руками'. И нужно ли говорить, что от 'руки' получилась возможность в великой сложившейся в одну общественность семье производить

числительные и 'один' и 'два', и 'пять', и 'десять', и промежуточные числа. И как совершенно не случайно, что баск. *bur-u* и чув. *puş↔poş* по закону чувашского соответствия свист. или шипящего *ş, S, Ш* плавному *l, г* одинаково означают 'голову', как совершенно не случайно, что 'нести', происходящий от 'руки', и 'быть', 'иметь', происходящий от 'руки', имеют одинаково основу *rog*, в чув. *rog* 'существует', и во французском *por-t-er* 'нести', т. к. французы это слово получили, разумеется, не от чувашей, а от западно-европейских яфетидов, басков-иберов, находившихся в до-исторические эпохи в ближайшем родстве по языку с чувашами. так же не случайно, что чув. *rog* 'иметь-быть', происходящий от 'руки', чув. *rag-ās* 'давать', происходящее от 'руки' имеют одни и те же коренные согласные *p* и *g*, что же касается огласовки, то это говорит лишь о различном племенном произношении, т. к. чувашский народ не первобытное племя, а еще до-историческое образование из скрещения различных первобытных племен. Первобытное племя не представляло себе и отвлеченного неплеменного языка, отвлеченного внеплеменного говорения: 'говорить' представлялось и означало как действие племенное, способность того или иного племени, тогда только яфетического, 'ионить', если говорил яфетид ион или ионянин, 'иберить', если говорил яфетид ибер, и т. д. Когда в чувашском имеем *səmaġ* 'слово', 'речь' и т. п., то это форма от основы *səma-*, пережитка племенного названия шумер или сумар, откуда происходит и национальное племенное название *ġəvash*, и *səmaġ*, *səmaġ-la* 'говорить', первоначально означало 'шумерить' или 'чувашить', т. е. говорить племенным языком шумеров и т. п.

Ясное дело такое палеонтологическое углубление в изучение языка обнаружило и несостоятельность формального сравнительного метода, т. е. основного метода индоевропейской лингвистики, и яфетическое языкознание, вступив в третий период своего развития, стало разрабатывать и уточнять методы палеонтологии речи и конкретно отдельных языков в связи с историею общественности и ее базы—материальной культуры. Яфетическое языкознание с самого начала было связано с изучением материальной культуры исторической и бытовой, т. е. с исторической археологиею и этнологою, но, раскрыв настежь двери неожиданно для себя в

до-историю человеческой речи и, следовательно, и мышления, в обладании конкретными языковыми материалами, отложениями эволюции культур различных эпох и различных стран, оно вплотную подошло к истории развития общечеловечности, как фактора языкового творчества, и также неожиданно и без полготовки для себя оказалось утверждающим положения учения об историческом материализме, т. е. в методе скрестилось с марксистским учением. В то же время яфетическое языкознание, осознавая связь речи как продукции общества с другими культурными ценностями, также продуктами общества, все более и более стало осуществлять свое давнишнее положение об изучении языка в связи с изучением общечеловечности, следовательно, с изучением истории материальной культуры, быта, общественного мировоззрения, права, начиная с первобытного права. Учужив невольно источник уразумения смысла вещей не в нашей мудрости, а в полноте материалов и исчерпывающей экстенсивности охвата, оно как и раньше, но более упорно, стало выдвигать в первую очередь изучение всякого живого языка, и быта, и верования, и права, независимо от исторического значения и письменной культуры, т. е. стало выдвигать необходимость и важность изучения в первую голову языков и культур бесписьменных или без-древнеписьменных народов, и на такой стадии развития год тому назад, не будет и года, яфетическое языкознание напало на родство чувашского языка с яфетическими языками, на принадлежность чувашского языка к яфетическим, и теперь определяется, уже наметилось ясно, место чувашского языка среди яфетических.

Каково же это место?

Для этого я должен бы изложить всю классификацию яфетических языков и очертить их взаимоотношения не только формально-сравнительные, но палеонтологические по состоянию их принадлежности различным эпохам развития человеческой речи. Самое краткое изложение этого вопроса нас заняло бы еще столько, сколько я уже прочитал, а это ведь все лишь одно вступление, и мы до чувашского народа и его языка так бы и не дошли своевременно. Я, конечно могу дать определение места чувашского языка среди яфетических в степени их разработки, и его сейчас и дам, но

как всегда в таких случаях с риском, что самая точная в стадии изученности чувашского языка формулировка этого определения не представит ничего осязуемого или конкретного для непосвященных в классификацию яфетических языков и ее научные основы, разве в части иллюстрации примерами, и, конечно, оно скажет еще меньше тем, кто и желания не имеет быть в нее посвященным по соображениям конфессиональных (классово-научных) убеждений, и тем не менее утверждаю, что: 1) чувашский язык принадлежит сибилантной ветви, именно шипящей ее группе, окающей, осложнением огласовки и аканием, т. е. к той группе, к которой принадлежат яфетические языки при-черноморские: из живых мегрельский и лазский, из мертвых, по всем видимостям, скифский и шумерский (~кимерский); 2) чувашский язык имеет поразительные встречи, общие слои, с языком свистящей группы, к которой принадлежат из живых грузинский, из мертвых, по всей видимости, сарматский или что то же по составу, салский-харский, он же италский, в средние века хазарский; 3) чувашский сильно осложнен спонтизацией, обращением свистящих и шипящих согласных в придыхательные при огласовке е (ё), т. е. в общем отмечен характерными признаками особой экающей группы.

Конкретно, в общем чувашский язык с одной стороны по коренному слою своей целиком яфетической природы становится в один тесный круг с языками баскским в Европе и с армянским в Армении, собственно с его до-исторической яфетической основой.

С другой стороны, особо от родства чувашского языка со всеми яфетическими языками по его изначальному положению и особо же от более тесного потому же родства с определенным кругом из них, приходится в первую голову обсудить исключительные точки соприкосновения чувашского с тем или другим из яфетических языков по позднейшей, по всей видимости, встрече и скрещению с ним, так прежде всего с грузинским.

Так достаточно прослушать список настолько близко созвучных чувашских и грузинских слов ¹⁾, как—

1 чув. SIV-θ 'холодный'; груз. θIV-ι 'холодный'

¹⁾ Н. Марр. Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам (Прил. к прот. II засед. ОИФ, 1925), стр. 20.

2. чув. *tiv-es* 'дотрагиваться', 'достигать'; груз. *tiv'a*
'достиг', 'настиг'

3. чув. *şiy-es* 'есть', 'кушать'; груз. *ში-*
чув. *şi-mëş* 'пища', 'еда'.

Эта чувашская основа имеет не один закономерный свой эквивалент *ში* в грузинском, но *-mes* и *-të* в чувашском функциональные части; 'кушать', 'есть' по-чув. выражается собственно основой *şl*, и вот в грузинском эта чистая основа, чувашская, используется в виде *ში* в глаголе *მ-ში-ა* 'я хочу есть', 'я голоден', *გ-ში-ა* 'ты хочешь есть', 'ты голоден' и т. п. Однако, такой односложный вид основы *ში* в грузинском—пережиточное состояние, сохранившееся в глаголе со специальным значением 'голодать', 'хотеть есть', в значении же 'есть' у грузин глагол *ჭამ-*, у мегрелов и чанов — *ჭკომ-*, с вобранным в основу функциональным губным *მ* в качестве коренного, так что в *ში*-группе как бы трехсложный корень *ჭკმ*, в точности соответствующий сем. *ჭმ* 'есть', 'кушать', тогда как в чувашском именно в значении 'кушать', 'есть' лишь слог *şl* (←*შიკი-შიკო*), т. е. чувашский представляет этап состояния яфетических языков до выделения семитической семьи, предшествующей зарождению трехсложия, и то же наблюдаем мы у грузин, но лишь пережиточно в слове 'голодать'. Несомненно, сюда же относится как арм. *ჭამ-ել* 'жевать', так чув. *ჭამ+la-* 'жевать'.

4. Чув. *ჭი* 'боль', 'болезнь'; груз. *ჭი* 'болезнь'.

Однако, *ჭი* 'болезнь', 'страдание' налично и в арм. языке в разновидности спирантной ветви—*კი* (*კი-գ* 'страсти'). и вот в груз. *ჭი* употребляется в значении 'необходимости', 'нужности', отсюда г. *სა-ჭი-ო* 'необходимый', *მ-ჭი+ლ-ა* 'мне он нужен', но и чув. использует с тем же значением это слово в разновидности *კი*: (*კი-ლë*) 'необходимый'.

С этим возникает, уже возник, вопрос какой-то особой исключительной связи чувашского языка, языка шипящей группы по своей массовой природе, с грузинским языком, языком свистящей группы, как результата особой позднейшей встречи и скрещения, произошел ли этот акт если не в до-исторические, то все таки в архаичные поры на северном Кавказе в процессе естественного непосредственного общения чувашского с сарматским, также языком свистящей породы, или позднее на самом Кавказе, в процессе классово-

дружинных внедрений хазарского племени. Иногда эти чувашские элементы выслеживаются в живой диалектической речи грузинского, так, напр., рядом с древне-литературным, да и современным *šteml* для понятия 'слеза' грузинский располагает словом *kur-šqal* „уже разобранным¹⁾“, и, как было выяснено, означающим буквально 'глаза вода': вторая часть *šqal* ← *tkal* 'вода', коренное грузинское слово, как и двухслогно *dal*, на нисшей ступени *zal* ← *sal*, эквивалент слова шипящей группы *шшг* (← *jur*), в арм. *qur* 'вода', и в волжском яфетическом районе, с перебросом до северного предела, у зырян в значении 'воды' обращается этот *шшг* ↔ *шог*, в чувашском *шшг* в значении 'топкого места', а в значении 'воды' с утратой исходного плавного—*ши*, с раздвоением *и* в *ив*—*шыв*. Что же касается первой части слова *kur-šqal*, то *kur* 'глаз' совершенно не ладит с груз. *šual* 'глаз', но находит свое оправдание в основе *kur* — глагола из живой грузинской народной речи — *kur-eb-a* 'смотреть', и затем та же основа *kur* и дезаспированно, как ее видим в составном *kur-šqal*, *kur* в значении 'глаза' до сих пор имела поддержку в баскском *i-kuš-i* 'видеть', основа которого *kuš*, следовательно, должна бы означать 'глаз', и вот в чувашском и находим и этот *kuš* в значении 'глаза', откуда в нем же *kušши* или *kušшэв* 'слеза', букв. 'глаза вода' и его двойник *kur*, как основу глагола *kur-as* 'видеть'. Может показаться, что в грузинском *kur* в значении 'глаза' в составе *kur-šqal* 'слеза' ← 'вода глаза' изолированное в грузинском явление, результат местного стороннего влияния, а связываемое с ним *kur-eb-a* 'смотреть', означающее и 'слушать', может мол найти и иное объяснение. Было бы, однако, желательно услышать это иное объяснение без палеонтологии речи! А пока что укажем и на другие связи у *kur* 'глаз' в грузинской речи, так 1) с сванским раздвоением *и* в *wi* это имя дает основу *kwir* грузинского глагола со значением 'устремляю взор', 'наблюдаю' *v-a-kwir-d-eb-i* 'вперяю глаз', 'удивляюсь' *mi-kwir-s*; 2) с палатализацией *kur* → *kwir* соответственно представлен разновидностями *ṭur* → *ṭwir*, из которых *ṭwir* у грузин значит 'прозрачный' (← 'видный на-

¹⁾ Н. МАРР, Заметки по яфетическим клинописям (ИАИМК, III стр. 288—293).